

Звёзды над Типуками

Евгений Самарин

Я хотел провести отпуск в Пицунде, но не сложилось – мандарины, белый пароход получилось не про меня.

- Есть путевка в Горячинск...

- Всю жизнь мечтал... - Иронизировал я напрасно – с понятной поправкой на комфорт, оказалось вполне прилично. Прогуляв урок лечебной физкультуры, я решил ознакомиться с окрестностями, имея практический интерес - снять комнатку: люблю, знаете, почитать на ночь, ни кому не мешая.

Горячинск – похож на большинство сибирских деревень – главная улица, центр, универмаг. Еще курорт с целебными горячими водами, лечебные и жилые корпуса, воздух, тайга, Байкал. Хорошо!

Я медленно шел по светлой стороне улицы, вдоль обочины старого асфальта. По низу голубенького штaketника нарядно пробивалась травка. За зиму так соскучился по всему зеленому, что даже уловил ее тонкий медовый вкус. До хмельного волнения пахла, нагретая полднем земля, не выметенные прошлогодние листья в изножии старой березы, развесившей над палисадником тонкие пружинистые ветви. Рука моя потянулась через ограду, и я почувствовал, как под прохладной белизной дерева нежным током поднимается сок, поднял голову: все дерево насквозь просвечивалось чистым небесным светом, казалось, он просто запутался в густом беспорядке ветвей, через которые просматривался номер дома. Я замер: на том месте, где обычно пишут название улицы, прямо на темном от времени кругляке верхнего венца были прибиты красные фанерные звезды. Не звезды эти меня удивили, точно такие же я видел в деревнях под Новгородом, в частном секторе в центре Хабаровска, - да в нашей стране любой деревенский малый скажет, почему светятся эти пятиконечные звезды над оконными ставнями почти каждой русской избы. Сейчас меня остановило немерное, какое-то сакральное их число – звездочек было семь, - уж больно много для одного дома. Подумалось, что когда-то уходили отсюда молодые мужики защищать Родину, обещали вернуться, их ждали... За окном шевельнулся тюль, мне стало неловко – повис на заборе и пялится во двор почем зря. Я, как бы извиняясь, кивнул в окошко и медленно пошел дальше, уже с пристрастием всматриваясь в верхние венцы изб. Редкая из них была не отмечена этими знаками памяти, я даже попытался считать звездочки, но скоро сбился, отвлекаясь на разные мысли.

Однажды, я спросил на почте индекс одной алтайской глубинки. Занятая девушка показала мне на библейской толщины справочники. Помню, забыв зачем я пришел, изумляясь открытию, все листал и листал я замусоленные страницы, представляя себе известные Петушки, Лебязьи Угоры, Кумушки, Топольки. Зачарованный Садами и Чистым Ключём, дивился не поэтичной шаловливостью Светкиных бугорков, а тому, что все уроки географии и самая полная энциклопедия не дали мне большего представления о красоте и великости моей Родины, чем эти пудовые канцелярские книги. Индекса я не нашел, - значит, не поместились сюда многие тысячи хуторов, заимок, дальних местечек, и только почтальоны знают, куда донести весточку. Сейчас я вспоминал эти почтовые

книги, умножая их бесчисленные страницы на города и деревни, поверяя арифметику, справедливости ради, на безадресные хутора и заимки, которые в лихую годину так же равно со всеми выставляли на великую битву своих сыновей. У попавшейся мне навстречу женщины я спросил: где можно снять комнатку.

- Дак, здесь много которые пускают.... У бабы Оли, однако, квартирант вчера съехал...

Интересно, что это оказался как раз тот самый дом, у которого я стоял несколько минут назад. Несмело открыл калитку, не торопясь, прошел через двор по тропке среди зеленой травы – муравы, ещё не ведая, куда эта тропка меня заведет. Крылечко, дверь, порог - и вот тебе теплая с лежанкой печь, перегородившая избу на две половины. По левую сторону от входа - окно, раздвинутые занавески, герань, клеёночка на столе, за которым сидели приятная женщина лет за сорок и бабушка. Из носика самовара звонкой струйкой наполнялась чашка. Мне не удивились и сразу пригласили к столу.

- Садитесь с нами... У меня прямо душа на месте, когда дома кто-то есть,- сказала женщина, пока я церемонился, но разулся и, с удовольствием ступая по вязаным половикам, прошел к столу. – Меня Татьяной зовут. А это мама моя - Ольга Никитишна, или баба Оля.

- Ну, дак чо сидишь тогда? Вдруг человеку не глянется? Покажи хоромы- то, – подняла дочку мать.

- Да глянется, мама, глянется...

Справа от печной лежанки я разглядел, за ситцевой шторкой, проем в отдельную от передней комнатку: окно на улицу, такой же цветастый половичек на полу, кровать, блеснувшая никелем спинки, горка подушек, маленький с резными ножками столик, покрытый вышитой скатертью.

- Бабушка вам не помешает, – наставляла меня Татьяна. - У неё там телевизор, - показала она на комнату смежную с моей. - Когда соседки-старушонки зайдут, посидеть... Сама забегаю.

А я глядел на бабу Олю: вся маленькая, опрятная, острый носик в редких старческих канапушках, голубые жилки просвечивали через тонкую без морщинок кожу, поражали не выцветшие от времени, чудной синевы глаза.

- Я вот сейчас смотрел на звездочки у вас над окном... Хотел спросить....

– Это вам бабушка про все, расскажет... Какнибудь поговорите, если интересно.

Все было ясно, и с этой минуты я зажил новой курортной жизнью. Свободный от работы по расписанию и домашних хлопот, с утра, в обход курортных угодий, по лесной тропе убегал на берег Байкала, всякий раз разочарованно видя, что он все еще томится в плену набухшего, тёмного льда. Лес звенел птичьими голосами, внизу песчаной осыпи глаз мой наткнулся на синий букетик мохнатых подснежников, багульник уже дурманил голову, готов был вот-вот расцвести. И я быстро забыл о мандариновой Пицунде.

С хозяевами я общался мало, затягивала курортная суеда, да и бабушка хворала, все больше отлеживалась у себя в комнате, но иногда мы с ней сумерничали у самовара, разговоры говорили, и чем больше я слушал Ольгу Никитишну, чем ближе прикасалась она памятью к прошлому, тем все более вызывала у меня интерес к ней, но как-то все не получалось у нас поговорить хорошо, не складывалось душевной минутки.

Татьяна навещала мать, готовила, стирала, копалась на грядках, в часы досуга от

курортных забот я охотно помогал ей, заводя разговоры из истории их семьи.

А деньки все летели, распустилась береза под окном, южный ветер в одночасье разогнал лед на Байкале, заиграл на просторе белыми гривами волн. На полянах в лесу, на угорах засветился багульник, и меня дико раздражало, когда курортные дамы, не жалея даровой красоты, охапками растаскивали его по корпусам.

Перед отъездом, как раз накануне Дня Победы, наносив воды с уличной колонки, я затопил сто лет не топлёную баню. Бабушка сама без нашей помощи пришла, как она сказала, погреть костушки, и долго они там с Татьяной молодо по-девичьи повизгивали, потом терпеливо дожидались меня у горячего самовара.

В доме было хорошо, как-то особенно светло и чисто. Вкусно пахло ужином. Баба Оля вино пить не стала, с нами тоже долго не засиделась. Татьяна увела её в свою комнату, давала какие то таблетки, травы.

– Не приведи, господи, прямо дитя малое... – пожаловалась мне, вернувшись за стол. Я заступился за бабушку.

– Мы с ней без тебя другой раз чаевничаем вечерами, разговариваем, что да как... Пережить столько, переработать, какое сердце выдюжит?

– Это ты правду сказал... Она вот как лет пять сдала, а то ко мне придет, перестирает, наготовит, детей обошьёт... Нет! Бабушка у нас молодчинка...

– Я видел её на фотографии – ей богу! – красавица! Сколько ей лет тогда? Двадцать, больше? Но то, как она про рыбалку рассказывала, как они, девчонки, на гребях ходили через Байкал. Как рыбалили наравне с мужиками... Сети... Баркасы... Тони... Штормы... – в голове не укладывается... кто хоть маленько знает Байкал, все это представит не сразу... Но ведь было!..

– Ну, как не было? Мама с десяти лет за трудодни сети чинила. Ты ж видел старушонки заходят? Вот они и есть те самые девчонки... Как садятся вместе, так и начинают вспоминать... Эти бабушки много что знают...

– Разговаривал... Бабки чудесные! Потому и дивлюсь...

– Жизнь такая была... А война?... Мама рассказывала, – не приведи, Господь! – как на фронте, может, и тяжелее... Зимой лес валили, рыбалили тоже бабы, а кто ещё? Ребяшня помогала – как взрослые, карточки получали... Что ты... спрос строгий был... Ты совсем не ешь, задумался...

– Ты сама не балякай! Корми мужика-то, а то он те опять – что да как, а не исть!.. – поругалась бабушка за занавеской. Мы не очень-то и послушались, не торопясь, доужинали, и я вышел во двор покурить. А когда вернулся, на столе было убрано, на цветастой клеёночке шумел самовар.

– Что-то не напилась я, – сказала Татьяна. Закрыла вьюшку в печи, потом зашла в комнату к бабушке и вынесла от неё большой, отделанный коричневым бархатом альбом. Альбом был переполнен, и часть фотографий вылезала за обрез толстых картонных листов. Татьяна долго наводила порядок в нем, часто задерживая взгляд на случайной фотографии, тихо вздыхала или, вдруг забывая нечаянную печаль, улыбалась чему-то давнему. Все это было не моей тайной и я терпеливо ждал. – Ну вот! – наконец сказала она, положив альбом передо мной на край стола. – Это наши дедушка с бабушкой!

Фотография старая, аккуратно заправленная в наклеенные уголки. Жених и невеста? Муж и жена? Не понятно... Счастье! Полнота бытия, красивые русские лица. Трогательно и немного смешно под фотографией детской рукой перышком с нажимом

подписано: «Это дедушка и бабушка.» Никита Иванович и Татьяна Ивановна, как мне представила их Татьяна. Праздничный день, может быть, Пасха – на заднем плане я углядел церковный арочный свод. Картуз, вольно распахнутый длиннополый пиджак, косоворотка, на сапогах в легкую гармошку до сих пор сохранился солнечный блик, на шляпке молодой женщины красиво завернутый бант, светлое, широкое платье, жакет в талию – все женственно, строго. Как же иначе – стеснительно льнут к ногам родителей девочка и мальчик в белой рубашке, в коротких штанишках на ляпочках, не слушая фотографа, жмурится от яркого дня. Шляпка с цветочком на полях прикрывает глаза девочки, платье в рюшечках и кружевах.

- Барышня! – без сомнения угадав кто это девочка, сказал я. - Татьяна неторопливо перебирала альбом, искала нужное. – А баба Оля молодая здесь есть?

- А как же! Я, по правде сказать, не помню, когда сюда и заглядывала... Вот они девушки наши! - Татьяна долго сама держала фото, потом, передав его мне, продолжала разглядывать его у меня через руку. – Вот она, красавица наша! Это как раз на Ольхоне во время войны... - В свободную от трудов минутку неизвестный фотограф собрал подруг на борту вытасченного на берег рыбацкого баркаса. – Не узнаёшь? Все наши, горячинские. Я их еще молодыми помню, шустрыми. – Татьяна называла знакомые имена: тетя Нюся, баба Валя, баба Оля, Алевтина Ивановна, баба Тая, мама, тетя Настя. - Смотри, какие бравенькие ... Причипурились... Бабу Олю, я узнал сразу, удивляясь ее схожести с матерью на фотографии, что только держал в руках – взгляд, те же светлые волосы, уложенные назад, открывали красивое лицо. Я тоже долго не выпускал из рук фотографию, все не мог наглядеться на этих девчонок, прилагая их юность к той жизни, ко всему тому, сейчас трудно постижимому, что знал от бабы Оли. Порядка в альбоме не было. Мелькали дети в пионерских галстуках, подводы, женщины и мужчины – случайные мгновения чужих жизней. Молодой мужик счастливо, широко развел руки, стоя в рыбацком баркасе, наполовину загруженном серебристой рыбой, смеялся, радуясь удаче. – Это дедушка на омулевке еще до войны... Его осенью забрали, а в декабре пришла похоронка. Слышал про сибирские дивизии под Москвой?

- Да... Да!.. –

- Набанилась, терь не напыюсь никак... – сказала баба Оля, появляясь вдруг из-а дверной шторы. - А те чо домой не надо? Поди, заждались тама-то?

Татьяна послушно засобиралась и, когда я вернулся, проводив её, баба Оля все еще сидела за столом, перебирая альбом.

- Можно я рядышком присяду?

- А смотри... - Я взял в руки фото из лежащих отдельно, видимо, отложенных специально для меня. Лиза и Михаил, еще дети – старшие сестра и брат мужа бабы Оли - в пионерских галстуках на какой -то школьной линейке. Михаил погибнет под Москвой, похоронка на Елизавету придет с Белорусского фронта. Красавец щеголь-офицер Николай, родной брат Ольги Никитишны, его расстреляли в упор бандеровские недобитки.

- А Сережу я еще тут застала. Даже порыбалили вместе. Он у их самый младший был, – показала мне фотографию молоденького чумазого танкиста. - Тож недолго повоевал... Василий - последний хозяин этого дома - сидя на гнутом венском стуле, откровенно позировал, закинув ногу на ногу, скрестил руки на широкой, туго

натянувшей гимнастерку груди, будто поддерживал на ней два ряда медалей, я так и не разобрал каких. Но над правым карманом отдельно красовался орден Красной Звезды. Еще несколько фронтовых фото. И почти всегда рядом с Василием друг его и земляк, улыбающийся, круглолицый, огромного роста бурят в смешно маленькой пилотке на наголо стриженной голове. Воевали друзья с равной доблестью, о чем ведали тот же орден и тяжелая гроздь медалей на выцветшей гимнастерке Батыра. С бессилием что-то поправить в прошедшей чужой жизни, думал я о несправедливости, немилости судьбы к победителям. На фронт друзья ушли одной дорогой, а вернулись разными, каждый в свой срок, чтобы нескоро встретиться за этим столом. Бойцы-разведчики попали в засаду, и в неравном бою разрывная пуля переломала Василию ногу, другая ушла навывлет, пробив грудь. Батыр, смастерив из тальниковых веток волокушу, вытащил товарища к своим. В медсанбате земляк простился с другом: «Отвоевался, паря... Пиши!..» До Берлина, как мечтали, друзья не дошли, но воевали уже на чужой земле...

- Батыра я хорошо помню... – раньше рассказала мне Татьяна. – Прихожу со школы, а на крыльце какой то дядька сидит. В телогрейке, худющий, зубов почти нет... Меня по имени назвал. А страшно, вид у него такой будто с тюрьмы сбежал. Тогда таких здесь знаешь сколько ходило...

Письма от друга Батыр не дождался. Разведчиков обнаружили и накрыли минометным огнем. Рядом вспышка, взрыв; оглушенного, посеченного железом бойца, подобрали немецкие санитары... Плен, потом восемь лет родных лагерей – Воркута, Норильск... За что у человека такая судьба?

- Считай, тридцать лет они с отцом дружили. Батыр часто к нам приезжал, подлечиться, на Байкал посмотреть. Любили они с отцом на бережку посидеть, винца выпить, поговорить. Там им никто не мешал... Папа, когда Батыра не стало, вырезал красную звездочку и приладил её рядом со всеми...

Отца Ольги Никитишны я узнал сразу. Ему была очень к лицу фуражка и форменная шинель, какие носили железнодорожники со времен первых паровозов, инженеры путейцы, изыскатели. Я, конечно, догадался откуда эта фотография и пристрасно выглядывал на ней детали давнего полевого быта: палатка, тренога теодолита, поленница дров, берег реки...

- Спасибо, Ольга Никитишна! – только и сказал я. Что-то не так, неправильно было со мной. Я надел куртку и вышел на улицу. Прогуливались парочки, за санаторной оградой слышалась музыка. Зачем я пристал с этим альбомом, так настырно полез в чужую память? Будет лежать сейчас бабушка, думать, переживать... И тут же, оправдываясь, успокаивал себя: все давно пережито, пересыпано пеплом времени... Прошли зимы, весны, рядом дети, внуки... Все проходит...

Ветерком тронуло ветви старой березы, листва тихо зашептала за моей спиной, я невольно повернулся на ее шум и в свете уличного фонаря увидел тускло поблескивающие красные звёзды. После сегодняшнего вечера, как на ратной поверке зримо представляя рядом с каждой из них живой лик воинов: медсестра Елизавета, Михаил, отец, проводивший детей на войну, и следом поспешивший им на подмогу. Бравый офицер Николай, рядом друзья – разведчики Василий, Батыр. Мальчик в танкистском шлеме... До ясновидения правдиво увидел их вместе, - сидят за столом, разговаривают... молодые, красивые, блестят медали, дым папирос...

Светилось окно в бабушкиной комнате, из открытой форточки слышались военные марши, эхом давней войны доносились звуки орудийных выстрелов. Когда я вернулся в дом, бабушка сидела за столом и, мне показалось, ждала меня.

- Садись-ка...

Я присел рядом, снова разлил кипяток из еще горячего самовара и, когда уже не чаял душевной минутки, она вдруг случилась сама собой. Опять я вспомнил фотографии, что-то переспросил, слышанное от Татьяны, и мы разговорились. Не записал я многого по свежей памяти, жалею... Не об этом я думал тогда, да и что это добавит к святому житию русской женщины, к моему удивлению человеческой долей.

- Ну, дак а чо не помню? Вот как сейчас... Мама с бабушкой нас, одела, каждому узелок в руки собрала, чо успела, а кода эти с винтовками заявились, так с узлами и выгнали на улицу.

- За что же всё-таки, Ольга Никитишна?

- А я ково знала тогда? Буржуи мы были, выходит, кулаки... Тятя лавку держал – керосин, мыло, по хозяйству что... Мы все к матери с бабушкой жмемся – страшно, не понятно... Бумагу прочитали – вроде как все по закону... На подворье, народ собрался, прощаются. Кто отцу долг принес, кто узелки на дорогу прямо в сани кидают... Солдаты ругаются всяко, торопят. А рядом тож с других домов хозяев гонят... Тятя встал у саней и громко так сказал всем: не время, мол, всех обнять, проститься... Всем низко кланяюсь! Долги все прощаю, зла на меня не держите и лихом не поминайте... Длинный обоз собрался. Как тронулись, бабушка Настасья Ивановна давай на кресты церковные креститься с поклонами... И будто слышала её боженька, а, может, кто и был там, в церви-то, видел все? Да как ударили колокола, загологолили!.. Долго так звонили, до самой станции слышно было... Это я помню... Так и оказались мы здесь, на Байкале...

- Нет... - перебил я бабушку.- Вас же не сразу сюда, в Горячинск, выслали? Сначала куда то в другие места везли?

- Дак, а кто их, бесов, знает, куды они нас везли? Далеко, однако, наладили – на самый Восток. Напихали, как варнаков, в арестанские вагоны, и не выходи - ни на станции, нигде. Убежим, боялись... Мужики, правда, кипяток, где-то добывали... Сколь ехали, не помню – чо то много...

До боли всё сходится, что помнит Ольга Никитишна, так похоже на всё, о чём говорено уже немало. В Иркутске вагоны с переселенцами отцепили и долго они стояли забыто в дальнем тупике. Не выдержав всех мытарств, умерла тяжело бабушка Настасья Ивановна. Завернули ее в простынь, уложили в дальний угол вагона, рядом с теми, кто тоже отмучился. На станции Кабанская опять задержали. Никита Иванович, долго беседовал с начальником поезда, написал какую то бумагу. Вечером его семью и покойников выгрузили, как потом выяснилось, небескорыстно.

- Похоронили всех вместе на кладбище... В Кабански-то етим, сколько то дней прожили, а здесь така ж беда... Гонят людей из дому как есть – чо в руках унес, то и твоё... Опять нас заарестовали... Не приведи, Господи!.. По деревне шум, плачь... Все тако ж и было, как и дома... Короче сказать, собрали нас горемычных и старых и малых, и другим этапом, погнали на Баргузин. А оттудова на Байкал и по льду дальше на север...

По правде, я уже и не слышал Ольгу Никитишну, воображение, опережая слова, несло меня туда, где пурга, мешая в единое небо и землю, заносит пути, больно хлыстом стегает в лицо снежное крошево, да ещё как подумаешь, что под тобой бездна... И тогда одно спасение – остановиться, переждать, и не знаешь, не скажет никто, сколько дней и ночей промаешься в том плену.

- Это, поди, тебе Татьяна наговорила?.. Не - е, таки страхи в другой раз были... А тогда пожалел нас Батюшка! Ой, пожалел... Скоко-то дней шли, я не помню. Полномочный Захар Иваныч до самого конца нас доставил. Распорядился насчет саней для кулей, да узлов, а так всё пехом... Где прокатимся недолго – детвора же... дак еще и игры играли по дороге. А малым чо?.. Погода, прям,- красота: солнце, тепло. Помню, мама первый раз улыбнулась за эти дни... Где ночевали? А где Захар Иваныч указывал. В лес на берег уходили, костры жгли, чай, каши варили. Малых в зимовье укладывали. Под конец пурга таки догнала нас... Ничё не видно куда идти... Захар Иваныч как-то вывел нас на жилье – Тья деревня называлась... Переночевали и дальше почапали...

С виновными в государственной измене цари обходились, можно сказать, по-царски – высылали бунтовщиков далеко, но в места давно обетованные, лишь бы подальше смутьянов от столиц... Новые власти оказались мудрее и изощреннее – безжалостно рассеивали ни в чем не повинных людей в архангельских лесах, по тюменским болотам, по енисейским и ленским северам. Стучали по железке столыпинские вагоны, уныло, с бурлачьей скоростью, тащились по сибирским рекам ржавые баржи. Прибайкальские советы трудящихся кулаков и прочих несогласных загоняли в самые глухие медвежьи углы. Например, переселенцы с Кяхты обживали дикие верховья Баргузина и Джерги. С берегов Селенги гнали крестьян на север Байкала и еще дальше по Верхней Ангаре.

В Нижнеангарске лишнего не задержались. Выправили документы переселенцев на проживание и по Байкалу через верхнеангарское устье, двинулись вверх по реке. Семье Никиты Ивановича прописали место жительства Типуки.

Ступая по мартовскому льду, боязливо обходя полыньи и подтаявшие торосы, уставший конь чутко выбирал дорогу, подбирая шаг под бредущих из последних сил людей, тянул по ледяным колдобинам скрипучие розвальни. Солнце слепило глаза, томило под теплой одеждой, в ногах усталость и немота. Даже шустрая детвора, умаявшись, жалась к родителям.

- Захар Иванович, пристали уж ноги, не гребут... Хоть в руки забирай, да то ж не подымаются. В самый раз! – и мужик показал на подтаявший мысок острова с сухой прошлогодней травой, завалами намытого водой сушняка. И полномочный, в который раз подчинился умной скотине, которая, подслушав разговор, повернула к острову. Мужики долбили лед для каши и чая, детишки, повеселев, носили дрова. Совсем уставшие валились на берег. Запахло костром, табачным дымом, сеном. Это Захар Иванович, развалив в санях узлы, выгребал остатки корма для лошади. Та, было, ткнулась носом в траву, но вдруг подняла голову и сторожко запрядала ушами. К несказанной радости детей вдруг из прибрежного тальника выскочила коза. Оторопев на мгновение, остановилась и, высоко прыгнув, сиганула от людей, сверкнув белой опушкой на зад. Уполномоченный ловко выдернул наган из кобуры, прицелился – показалось далеко, или пожалел, но стрелять не стал.

- А, пусть её!.. Никита Иванович, подойди, разговор есть, – подозвал к

себе Ольгиного отца.

- Оно, правда, ноги не держат...

- Потерпите, к вечеру будем на месте. Там другая жизнь пойдет... Ты человек новый в наших местах, тебе подсказать надо... Я завтра дальше подамся, а ты, своих устраивай. Просите у мужиков лошадь и – в Нижний! В Нижнеангарск, стало быть... Закупайте муку, крупу, сети, инструмент какой – люди подскажут... Вот адрес - Уполномоченный передал переселенцу мятый клочек бумаги. – Возьмешь у тунгуса ружьё, припасы. Я договорился...

Вечером конь отвернул от реки в протоку и скоро вышел на скатертную гладь озера в оправе золотоствольного сосняка. Санний след, усыпанный конскими котьями, ровно вытягивал на лесистый угор, увиделись высокие дымы, рубленные избы, дозорно и дружно взлаяли собаки, откуда-то с горки голосила детвора. Остановились, смотрели на крыши, на колодезные журавли, встречное солнце, осветило до черноты обгоревшие, усталые лица, тревожно воззrivшие на высоко подпиравшие небо белые горы.

- Ну, вот и конец нашему этапу! – провозгласил Захар Иванович. – Кончился мой за вами догляд... Вот они, Типуки! Бог даст, обживетесь и здесь...

Молитвенно подняв голову к небу, благодарила его и опять о чем-то его моля, истово крестилась, прижимая к подолу младшего внука, высокая, сухопарая, бабка Ульяна... Будто угасала свеча, заходило за гольцы солнце, и синяя тень ложилась на озеро, темнее означился санний след, по которому с встречным лаем бежали собаки.

Самое время покатиться бы нашему рассказу и далее, ведь все только начиналось в Типуках. Обживалось новое место, люди – рубили дома, охотились, рыбалили, жили, любили. Но пока не складывается писать размашисто о том, чего никогда не видел, не волочил уставшие ноги навстречу байкальскому ветру, не изнывало мое сердце в бесконечных думах об оставленном доме, о прошлом, о пугающем неизвестном завтра...

До малых подробностей сохранила Ольга Никитишна в памяти многое о той жизни. Например, огромная, заплутавшая в озере щука, угодила в отцовские сети, вцепилась в руку девчонке, навсегда оставив зубастый след, или как бродил по деревне среди дня шалый медведь. Лукаво улыбаясь, повела Ольга Никитишна на зависть романтическую историю своей подруги Софьи с нижнеангарским комсомольцем Степаном. Парень, не без помощи Ольги, темной ноченькой выкрал красавицу Софью из ссыльной деревни. По речной шуге ушли беглецы в Дагары и, не получив родительского благословения, по убийственной байкальской волне переправились к брату в охотничье зимовье. Шумная вышла история, но могла бы и случиться печальной, да на свой страх и риск, уладил все дело знакомый наш уполномоченный Захар Иванович...

Однажды летом, к неопишуемой радости детворы, собрав на берегу все местное население, покружил над озером и сел на воду настоящий самолет. Это оказались изыскатели железной дороги, слухи о строительстве которой уже давно дошли до деревни. А весной следующего года Никита Иванович и еще трое мужиков типуковцев ушли в экспедицию, как тогда называли работу в изыскательских партиях, и оставались там до самых снегов. Мужики говорили, что Никита Иванович стал в экспедиции каким то начальником... Я сразу вспомнил фотографию, на которой Никита Иванович в форменной шинели и фуражке с козырьком, какие не выдавали

простым работягам. Строительство новой дороги Никита Иванович не увидел – он погиб на витимских порогах, спасая людей и очень важный груз с буровым инструментом. Но Ольга Никитишна помнит, что до самой войны изыскатели помогали семье. Ничем не смогли помочь только матери Ольги, - после страшного известия Татьяна Ивановна надолго слегла. Дети сами управлялись по дому, по-взрослому работали в колхозе, зарабатывали трудовни. Николай, брат, рыбалил, добычливо приходил с ружьем из тайги.

Кто в семнадцать лет не мечтал о любви? Татьяна как-то обмолвилась: (Мама в девчатах завидная красавица была... Парни типуковские воевали за неё меж собой... Свататься приезжали с Заимки, Нижнеангарска, Дагар, даже с Ирканы. Все честь по чести, как это раньше водилось... Интересно все так, красиво!.. Сейчас разве такое увидишь? А наша Ольга, свет Никитишна, им всем от ворот – поворот!.. Одни обижались, другие обещали подождать – молодая, может, одумается...)

- И как же одумалась? – Мне нетерпеливо захотелось приоткрыть волшебную дверь в прошлое, в таинство первой встречи.

- В лето, перед самой войной, они и встретились, мама с папой. Мама и вправду как ждала его. Платье новое сшила, будто для этого дня. Вышли с подругой погулять, а там качели такие большие были, возле них парень незнакомый стоит. И как они встретились глазами, так и смотрят друг на друга. И, когда мама с подругой пошли мимо, этот парень схватил маму и закинул на качели. Мама говорит, даже ойкнуть не успела, парень разогнал качели и сам на них – прыг! Вот на качелях и познакомились... А через два дня с катера на Ангаре передали, что в экспедицию по рации сообщили - война! А папа из Горячинска был, он тогда в Типуки к родственникам приезжал.

- А как мать-то в Горяченске оказалась?

- В Типуках бабушка умерла во время войны, мама тогда в Нижнеангарске работала на рыбзаводе – его как раз только эвакуировали туда – сколько то человек отправили в Баргузин на какие то курсы, ну и маму тоже... А Горячинск то рядом... Там целая история у них с папой вышла... Захар Иванович как-то уладил всё... Так и прижилась мама здесь...

Старенький мазутный катерок, мятым, в разводах ржавчины носом, расталкивая редкую шугу, волочил за кормой широкую, осевшую низко баржу, шипиляво просипел, давая о себе знать, и, хлюпая по воде обвисшим тросом, забирал к берегу, где его давно ждал народ. Детвора мигом всполошилась, по кустам, по песку у воды с гиком сорвалась навстречу. С суетой, и криками команд причалили к замытому в грунт выворотню. Уполномоченный безучастно стоял на носу баржи, дожидаясь, когда наладят трап, что-то спокойно сказал людям рядом, поправил новую блестящую портупею с наганом и первым сошел на берег.

- Здравствуйте всем!.. Что так строго смотришь, Ульяна Степановна?

- Да то и смотрю, Захар Иванович, что война только началась, а ты мужиков до последнего выгребаш... – не моргнув, выдала наболевшее бабка Ульяна. – Считай, седня до доньшка выбрал... А нам без их куды? Помирай?

В другой час и пошутил бы уполномоченный, но только отвел глаза, пожал руку подошедшему председателю.

- Ваши все?

- Все, Захар Иванович! – Я думаю, - обед, потом командовать... Поди, который день на сухарях... или не так?

- Как прикажешь, здесь ты генерал... – согласился с председателем и опять посмотрел на бабушку Ульяну. - Неласково встречаешь, Ульяна Степановна...

- Ой, Захар, Захар... А вот чо хотела, то и сказала... Давай- ка созывай всех за стол, потом уж...

Мужики, ждавшие на барже, чуть не уронив трап, скатились на берег. Шумно здоровались, обнимались – у многих здесь, в Типуках, были родственники, давние земляки. Миша Беспалый как с другом обнялся с Иннокентием, высоким рыжеватым мужиком из деревни Ченьча, это в дальних верховьях реки, с ним он когда-то уходил на военную службу.

Гостей новобранцев встречали здесь же, на берегу, на давнем рыбацком стане за прогонистым артельным столом. Не скупясь, из каждого дома несли сегодня сюда кто что мог, что через труды праведные обильно давала неизработанная земля. Из укрытой тряпичей корзины Ольга раскладывала по столу еще теплые, от бабы Ульяны пироги на разные вкусные сорта – с грибами, черемухой, капустой. Тяжелыми, кованными из серебра слитками, светились сиги, свежего посола икрные омули выпуклыми глазами смотрели в небо, веселили стол, не потерявшие солнечного цвета рыжики, снежно белая капуста, квашенная с брусникой... Тетка Настасья, приложив к груди пышный каравай, ловко отваливала от него длинным ножом ноздреватые краюхи. Наталья, молодая красивая баба, в июле проводившая мужа на фронт, в растегнутой куцавейке из-под которой выглядывал заметно поднявшийся живот, подхватывала куски и укладывала их по краю стола. Бодренькие, будто с утра из грядки, дразнились соленые огурцы...

- Чо там еще, бабоньки? Давайте! Некогда рассусоливать! – торопила бабка Ульяна. – Окинула глазами стол. - Куры то, девоньки! - и полезла за берестянным, упрятым в телеге кыном. – А глянь! и яичушки здесь спрятались...

- Дак, пока мы тут тово – они и нанесли! Сразу в крутую!.. – пошутил Михаил.

- А те чо команду подавай! – Миша Беспалый, потерявший на финской войне полкисти, невысокий, хорошо тронутый сединой мужик, только этого и ждал, пошуршал сеном в телеге, стоявшей рядом со столом, и выудил на свет божий заветную четверть.

-Ты уж тут, сам, Михаил... – кивнула на бутыль бабка Ульяна.- Давайте-ка, ребята, садись!.. – пригласила гостей к столу.

Народ несмело прилаживался к разносолам, кинув шинель в телегу, лицом к реке, сел за стол Захар Иванович, посмотрел выжыдающе на Бабу Ульяну, как бы предлагая место рядом с собой.

- Погоди, Захарушка... – соглашаясь, ответила старуха.

Рядом с уполномоченным оставалось место для Василия Григорьевича Ключарева, самого уважаемого в деревне человека - по всей Реке он один был Полный Георгиевский кавалер. Сейчас одиноко стоял в стороне, глядел куда-то на оставленные на время дома, на острые, снежные пики гор. Василий Григорьевич, когда то первый облюбовал это место – понравился ему чистый сосновый бор, озеро, кипевшее рыбой, с весны и до поздней осени гомонившее разной плавающей птицей, а когда увидел садившихся на воду белых лебедей, решил, что это добрый знак, и не обманулся. Какая деревня поднялась! Все сыты, одеты, при деле – живи, радуйся... Но

не до радостей в последнее время, — ещё один сын сегодня уходит на фронт... Мала деревенька Типуки, но в ней, как в капле воды отразилось солнце, так и она в грозный час ни в чем не отстала от огромной страны... Но с каждым новым отходом баржи с новобранцами рушился, непоправимо менялся общий, привычный уклад деревни и всей жизни. Вот и Ульяна сегодня не выдержала, высказала уполномоченному...

Осенний денек разгуливался потихоньку, солнце подсушило иней, на рядышком стоявшей копешке, с покосов тепло подувал ветерок, на дальней болотной деляне, будто свежие караваи, рядом выставились колхозные скирды.

Последняя листва нарядно желтела на березках вдоль протоки к озеру. И на этом, неохватном глазами просторе, за сверкающим сине-озером самое завидное место выгадал для себя сосновый бор, с высоты угора прилядывал за деревней, оберегая её от долгих зимних ветров.

Не дали додумать, Василию Григорьевичу, окликнула она же - Ульяна. Усаживаясь, крикнул по-стариковски, глянул на стол, порадовался, что все получается по-людски, как хотели - встретить и проводить новобранцев честь по чести... Ждали Мишу Беспалого, он все ещё обносил стол с четвертью, отвлекаясь на разговоры с мужиками.

- Дак сколь говорю - не рассусоливай! А он ни ково... — заругалась на Михаила баба Ульяна.

- Ты чо, моя?- хотел оправдаться Михаил, но понял, что от него хотят, передав Иннокентию четверть, пошел к котлу. Никто не спорит — Миша Беспалый в деревне первый рыбак, и сварить уху настоящую, так в ней все угадать, он один умел, на зависть любой хозяйке... Большой деревянной шумовкой для фасона повернул в котле, попробовал капельку, и, причмокнув, распорядился: - Давай, Надежда! Токо, про ребятишков — не забудь...

А ребятне и дела не было до стола, весело орудовали они на бесхозной барже — прятались под большим брезентом, в авральном июле выпрошенном капитаном у изыскателей.

На удивление внятен и жив был рассказ Ольги Никитишны. В смутности припоминаний не размылись за давностью имена и лица, сказанные слова. И понятно мне, почему не канул в памяти старого человека этот далёкий осенний день, где для неё в едино сошлись и печаль и радость, потому и хранит его душа как драгоценный образчик, давно ушедшего, милого сердцу общинного лада...

- Типуки... Где их теперь искать? — выдохнула бабушка.- Сколь лет живу, а они мне и доселе снятся... А фамилию чо-то счас и забыла... Миша, да Миша Беспалый. Кода мужиков- то не стало, один он у нас выручалка остался...

Миша как-то умудрился плеснуть в рот без очереди, и не успели девки разнести уху, он уже рассказывал про утреннюю баталию с пудовым тайменем.

- Я его дня три как приметил, на мыску играл, за островом и, вроде как, забыл до седины... А ночью с Андрюхой сетешку кинули, дак он её в куль завертел... Подумал: опять нерпа залезла, а нет!..

Да разве до Михайлова рассказа тут было? У каждого, выросшего здесь, у реки — кормилицы, сыщется не одна такая история... Поглядывали за Надеждой - та шумовкой выбирала из котла большие куски разваренной рыбы. И таким аппетитным духом давало от котла, от остывающего костра, что даже начальственно

сдержанный Захар Иванович, отвалился от стола, не отрывал глаз от Надежды. И, когда Ольга перед ним на середину стола поставила лагушок с рыбой, не удержался, оторвал плавничок с кусочком плоти, за что сейчас же был призван к порядку, везде поспевающей бабой Ульяной:

- погоди, Захар Иванович! погоди чуток!.. – и сама, подобрав юбку, устроилась по левую сторону от командира. Ещё раз окинула взглядом стол – всё ли так, все ли ладно? – А ребятёшкам потом успеется... – И как-то глубоко, тихо вздохнула.

Некогда расспрашивать о бабьих думах, поднялся над столом уполномоченный.

- Это хорошо, товарищи, что придумали людей покормить! Оно сейчас в самый раз... Вот ты мне, бабка Ульяна, в укор высказала – до донышка самого я мужиков выгребая... И в Куморе так, в Уояне, в Иркани, в Ченьче на Катере, по всему Байкалу мужиков подбирают... Заработала чертова мельница, и будет она молотить, пока не остановишь... Закрыв бы глаза, да пробежал бы мимо Типуков ваших – вроде как на отшибе... – да не могу... Служба такая... Нет сейчас, товарищи, такого уголка на нашей земле, куда б война не достала. И то понятно, что жалко матерям сыновей своих отдавать – не для того растили... Так что, Ульяна Степановна...

- Чо ты, Захар, будто все мне выговариваш? – перебила уполномоченного бабка. – Кого седня на фронт провожам? Вот имя и говори!

- Я, Ульяна Степановна, для всех говорю... Чтоб всем было понятно, какое время сейчас... А ребятам скажут, где надо... Много чего скажут... Сбила ты мне прицел, – немного потерялся в мыслях уполномоченный. – Прицел у нас один: остановить врага, да наладить ему под зад так, чтобы забыл он дорогу в нашу сторону на веки веков! Сильный и грозный враг идет, и потому, будет нужда, и до донышка вышкребут мужиков... не спросят... Главное, что бы с победой и живыми вернулись домой! – О чем-то задумался Захар Иванович, подняв стакан с горькой. – Зацепила ты меня, бабушка, все из головы не выкину... До донышка, Ульяна Степановна, это будет, когда я сам с ними под ружье встану... Вот тогда до донышка будет, до самого... Ну а счас, коль так получилось, что все мы тут за одним столом собрались, выпьем за наших товарищей, за всех, кого вырастила, выкормила и в грозный час собрала с берегов своих наша Река, от самых верхов своих... За наших земляков дорогих, что уже воюют, проливают кровь за нас, за нашу землю, за тех, кого провожаем сейчас в дальний путь, и за тех, кто скоро пойдет за нас в бой!..

Поднялись, молча выпили. Бабушка Ульяна только пригубила из маленькой граненой рюмочки, попробовала горячей юшки:

- Дай Бог здоровья Михаилу – всех накормил! – Радовалась, что не церемонились гости за столом, дружно прихлебывали, позвякивали ложками, управлялись с ухой, хорошо убывали пироги – они прежде хлеба просились на глаза. Иннокентий похозяйски правил на своей стороне стола: большими сильными руками разламывал румяные тушки кур, делился с товарищами.

- Нажимай, братцы, не робей! – Бодро выступил Михаил. – Пока оно с дому, мамкой ещё пахнет!..

- Кушайте, ребяташки, кушайте! Ты, Захар Иванович, накажи, чтоб ниче на столе не оставили, всё умяли... – говорила бабушка Ульяна, разбирая белый разваристый кусок рыбы.

- Уметут! Третий день на сухом пайке...

Подбежал к Михаилу пацан в затертой, донашиваемой от старшего брата телогрейке.

- Там омули, дядь Мих, стеной идут! Утром еще не было, а щяс валом прут!

- А дак имай! Знаешь как... – спокойно ответил Михаил. – У него, Санька, свои дела, у нас, вишь, свои – Михаил дотянулся до пирогов, выбрал самый поболее. – Накось! Некогда, паря, пока рыбалить... Пулей лети на катер, скажи: Захар Иванович наказал, срочно к нему капитана с помощником! Дуй! - Михаил поднялся из-за стола, опять пошуршал сеном в телеге, достал четверть. Сам разливать не стал, передал её Иннокентию. – Давайте, мужики, управляйтесь!

Санька мигом прибежал обратно, уже не один.

- Капитан сказал: пусть Захар Иванович погодит – не могут они пока, - гайки крутят...

- Ну, молодца! Во! и подмога пришла! – обрадовался Михаил ребятам, поднял со стола лагушок с постряпушками и протянул, детворе. Те быстро похватили кто что успел и так же мигом отбыли на баржу. Иннокентий, не в пример Михаилу, ловко исполнил обязанности виночерпия.

– Ну, надо чо то сказать, или как? – поднялся Михаил из-за стола.

- Ну и скажи чо думаеш, ты один у нас с фронту... – подхватила под руку, стоявшая за спиной Михаила Настя.

- То, Ульяна Степановна, с другого фронту...

- Ты опеть все мне будешь докладывать, или как? – с доброй улыбкой сказала баба Уля.

- Скажи! Скажи, Михаил Павлович – слышались голоса.

- Так я и говорю всем... Щяс она другая война, не которую я воевал... Вон куда пошло! Против той финской чо и равнять...

Не стал Михаил Павлович говорить, какая она была война в чужих снегах сорокового года. Хорошо помнил, когда после госпиталя, майским днем объявился он рядом с домом, на защемивших сердце берегах. В

Нижнеангарском военкомате справил все дела и с невеселыми думами о том, как встретят дома культяпного, чем и как жить, проулком вышел на берег Байкала, направляясь к причалу – там быстрее подвернется оказия в родные Типуки.

Договорился с капитаном изыскательского катера. И, вроде как случайно, застал его здесь Захар Иванович. Долго сидели они на борту древнего почерневшего баркаса, Михаил угощал уполномоченного Беломором, запасенным в дорогу еще в городе Ленинграде, в большом красивом магазине. Так откровенно и много о том, на что насмотрелся в финских снегах Михаил, больше не говорил ни с кем и никогда.

- Это, паря, давно известно – оно токо для генералов война бывает большая или малая, а для солдата она всегда – война... Жив остался, победил - уже хорошо!.. Ждет тебя Настя. Ждёт... Попривыкнешь, приловчишься! А в Типуках тебе место всегда найдется... Как иначе?.. – Перед трапом на катер пожали друг другу руки. – А война эта для тебя не скоро кончтся... Я это знаю – пострелял... Но ниче, солдат, переживешь! Не ты один... И вот еще, Михаил... Не вякай много – какая она война и что... Так оно лучше будет – понимаешь...

Правду сказал Захар Иванович, вроде и попривыкнул, наловчился жить и с культей, но, даже когда, бывало, и прикурнет у рыбацкого костра, снилось бывшему солдату, как ночью ползли по продуваемому льду озера, то, как споткнулся и навсегда упал после его выстрела человек в белом маскировочном халате...

- Чо замолчал, Павлыч?

- Да, смотрю, фартит вам – на войне это первое дело! Мне чо то вот сразу не зафортило... Вишь, у вас все честь по чести – на барже, да на травке пахучей - лежи, покуривай... А мы на службу ходили, с первого дня к пехоте привыкали. В феврале тридцать седьмого собрали нас со всей Ангары, - с Ирканы мужиков, с Куморы, Уояна, с Типуков – и по реке, по Байкалу, по льду до Баргузина, и все пехом, братцы, пехом... А там опять фарт: самая мобилизация, домой пора, а нам на войну... Мне бы счас в самую пору с вами в строй... А вот!.. – Михаил неловко поднял варезку, одетую на культю. – Мерзнет, зараза...

Заметив, как уполномоченный посмотрел на часы, поднялся из-за стола председатель Иван Николаевич Печкин.

- Не тот час, Павлыч, долго слушать... – перенял он на себя досказать за Михаила. – Судьба вам, товарищи земляки, выпала такая – защитить нашу Родину от врага! И наказ наш вам будет один: не сплюшайте там, мужики... И, самое первое: Загнать змею в нору и что б в целости и сохранности встретили вас дома жены и матери...- На этом замолчал председатель, выпил, поморщился, взял корочку со стола.

- Во как надо! – Виновато улыбнулся Михаил, довольный как быстро распорядился председатель словами, выпил вместе со всеми и, не закусив, потянулся за табаком.

- А эт всегда так было, еще от дедов - на службу по реке ходили. – Заговорил Иннокентий.- Котомки кинули в сани, а сами пехом... Уполномочный впереди, только ночевки считай, а, Захар Иваныч? – и громко захохотал, закинув голову назад. – Не забыл, когда на Светлой ночевали? Зимовьюха там тесная – куда всех ?- половина у костра на пихтаче... Сон такой, ни какой – всю ночь вертишься вокруг огня, как карась на сковородке... Проснись – командир на месте: костер держит... « Захар Иваныч, давай посижу!» - « Спи! Спи!» Под утро снится мне мамка родимая, будто жарит чо... Просыпаюсь – костер пылат! Бойцы с командиром храпят! Головёшка лиственная стрелят искрами и паленым вонят на всю тайгу... Я шуметь! Ёхр - мохр! Уполномочного полушубок новый горит! В ём уж дыра в два кулака!.. А, Захар Иваныч?

Улыбнулся и уполномоченный. Было такое... У председателя болела душа за свое – положила руку на стол, загибал пальцы, выкладывая на ладонь, предьявлял счет командиру, сколько мужиков уже сейчас не хватает колхозу:

- А Байкал встанет?.. Уведешь от нас последних, и останутся бабы да... – кивнул председатель на баржу с пацанами. К тому времени, поди, и самого обмундирят... Что тогда, Захар?

- Далеко смотришь... Всего наперед не загадаешь...

- Нет! Нет! – хмельно заводил пальцем председатель. – Я давно уже всё вижу, Захар... Бригада с неводов не вернулась, а мне уже предписание на бумаге – десять человек выдели в Гослов для зимней ловли... Рыбзавод в Нижний вакуировали – продолжал председатель, - туда тоже людей отдай!?... Вот и думай как быть... Хозяйство своё не бросишь, только попусти... У Загодпушнины свой план готов... А кому в тайгу идти?

Что ответить председателю? По всей Реке он выслушивал разговоры к себе, как к единственному представителю власти в этой таежной глубинке. Душой и сердцем понимал разом грянувшие беды, но бессилён был чем-то помочь. Впрочем,

иногда получалось: на этот раз он отвел от призыва председателя, ничего ему не сказав сейчас. Иван сам повел эту тему:

- Понятно, не скоро с немцем сладим, может, мой черед завтра идти туда, но, ей – богу, не тороплюсь... Сам на рожон не полезу, не жди! Не думай, мол, испугался, не то самое... На кого все оставить?

- Это чо такое? Не дасть человеку поить? – встряла в разговор баба Уля. – То он не знает чо тут деется!.. Прямо казнь египетская... Што холера – везде один разор... Пошто не ешь, Захар? Для кого собирали все? Может чаю тебе? На травушках, душистый, со смородинкой!... После рыбки то хорошо!...

- А давай, Степановна! Мило дело – чайку!..- Захар Иванович посмотрел на часы. – Павлыч, сходи- ка сам, пошуми капитана, а то как- то не по- людски... Для нашего дела он самый главный человек...

- А че шуметь? Вон оне идут! – весело ответил Михаил. За столом услышали, что идет капитан, довольно загалдели, потеснились.

- Юшки! Юшки, девоньки, погорячей! – запросил капитан. – У вас, седни тут, как на маланьиной свадьбе! – порадовался изобилию стола.- Покуда не управимся, не отчалим, да, Андрюха? – парнишка помощник стеснительно кивнул, соглашаясь, и взялся за ложку. Капитан с ложкой не торопился, подоспевший Михаил уже наливал ему из четверти, после передал бутылъ Иннокентию

На севере Байкала, на всей Реке знали Семёна. Сема – так по- свойски звали капитана везде и стар, и мал – среди по- крестьянски одетых людей больше походил на питерского рабочего: в ватнике, крепко пропахшем мазутом, но из под синей холщевой рубахи выглядывал краешек тельняшки. Река и солнце просмолили его лицо до туземной темноты, особенно заметной, когда капитан улыбался, показывая ровные, белые зубы.

- Поршня менять надо... Масло течет, язви его... Но ничо, Захар Иваныч, к завтраму дотарахтим... И баста – на якорь! Шуга с верхов, догоняет... Седни – завтра мороз поддаст, реку разом прихватит... И потопает Сёма родину защищать!..

- А капитанить кто?

- А во! - легонько хлопнул Семен помощника. Свято место пусто не бывает! Смену для чего растил? Можно сказать, у вас теперь новый капитан! Я у него который рейс, считай, в пристяжных. Правда, Андрюха? Ничо – управляется! Я уже токо гайки кручу. – Заметив, что Иннокентий положил пустую четверть в телегу, взялся за стакан.

- Скажи-ка, Семен, на посошок, – поторопил председатель.

- Вот те!.. – смутился капитан, но не выжидая уговоров, широко зашевелил плечами, высвобождаясь из-за стола. – Поди, седни много чо уже сказали... Все испоганил Гитлер проклятый! Раньше причалишь куда: хоть к тем берегам, хоть к вам в Типуки – оно, вроде, как праздник всем... А счас сказать, маята одна... Поднимаются мужики на баржу, оглядываются на берег, на баб с ребящёшками и вроде как я виноват – вся печаль от меня... Но ничо, пока еще потерплю... Кончатся скоро слезовы денёчки! Вот оклемамся малехо, возьмемся в кулак, вышибем немца подальше, и возвратятся наши ратники по домам. Эх, как прогудит мой корабль по всему Байкалу, по всей Ангаре прогудит, до самых верхов, до гольцов белых! А как встречать вы нас будете, бабоньки! Язви тя! – засиял улыбкой Семён, оглядел стол, что-то еще хотел сказать, добавить, но махнул рукой и удало на зависть выпил за веру в свои слова, за далекие

победные гудки над Рекой.

Одобрительно зашумели. Миша Беспалый оторвал кусочек шаньги, зажевал выпитое:

- Складно, Семен, сказал! Душа заиграла, хоть ура поднимай....

- Может еще и подниму... Вон Захар Иванович больше нас знает! – кивнул Семен на уполномоченного. – Я, Миша, с лета, как экспедицию перевез, так и думаю: легче там, за Москву ура кричать, чем всякий раз так смотреть. Заявление командиру когда отдал?.. Нет, говорит, еще: не время... Ты мне пока здесь нужен...

- Тебе, Михаил, сколь раз говори, - встряла в разговор мужиков баба Уля.- Дай поисть человеку.

- Ничо, ничо, бабушка... Нашет поисть это у нас запросто! – ответил за Михаила Семен. – Да, Андрюха? – и задиристо толкнул под локоть помощника.

Отогрела рюмочка душу русскую!.. Заговорили за столом все и разом, загудели кто про что. Как то само собой подвинулось в сторону тягостное, неминуемое. К удовольствию бабы Ульяны, быстро убирались со стола пироги, шаньги, привычно налегал народ на разную рыбицу, успели соскучиться по-домашнему, понимали, что не скоро уже придется угощаться так в волюшку. Инокентий раскраснелся, глаза зажглись и не бритая щетина еще больше налилась медью, он басовито смеялся над чем то и, вдруг разом пребив все разговоры, через стол спросил:

- Захар Иваныч, вот они полушубок твой обсмеяли... Это чо, да? Расскажи, Захар Иваныч, как вас волки в оборот взяли...

Командир допивал чай в большой, выдолбленной из березового капа кружке. Говорить много не хотелось, он промолчал, хотя хорошо помнил эту историю с волками.

В одну из предвоенных зим, на редкость лютых на холода, голодная, отчаянная до дерзости стая, на ночлеге в тайге обложила группу новобранцев, по реке пешим ходом добиравшуюся к месту сбора. На восемь человек был один наган, и, когда тени с зелеными глазами обступили костер, Захар Иванович выстрелил. Жутко было смотреть как зверье, с рычанием и дракой, раненого собрата, враз разодрали на куски, до бела выгрызали окровавленный снег, но на большее пока не решились. Днем звери далеко не ушли, петляя по торосам, кружили рядом. Ждали ночи... Но все обошлось, к вечеру встретились охотники эвенки...

Ольга без интереса слушала пересказ этой, знакомой истории, разливала чай в разномастную посуду из прокопченного ведрового чайника. Духмяный запах трав крепко перебивала смородина – Миша постарался. Женщины прибирали со стола недоедки, Настя добавляла к чаю румяные сдобы. Баба Уля уже не командовала застольем, успокоенно вздохнула, когда поняла, что все обошлось, ни кому не мешая, устало согнулась над чашкой в руке, пребывая в каких то своих дальних думах.

Давно, наверно, хотела, выжидала эту минуточку Настёна, присев рядышком с Михаилом, вдруг высоко потянула слова старой, еще дедовских времён песни, где идет, пылит по степной дороге воинство на встречу с врагом – и мнилось вдалеке конское ржанье, скрип повозок, широким разливом до горизонта серебрится ковыль... Настя наклонилась над столом, поднимая голос, но никто не поддержал, не подхватил её запевку, - а ведь как ещё умели спеть на деревне! Особенно бабы, славно так, от души. И мужики тоже, вернее, таких было один да два, что могли на равных, согласно поддержать соседку, не нашлось сейчас таких рядом. Встрепенулся, поднял голову, Иннокентий – говорили, тот еще песельник,- но как-то свял гость, не услышав

знакомых слов. Даже легкий ветерок с реки притих, заждался: что там дальше будет с солдатушками, но Настя не продолжила,- у одной получалось так тоскливо, что аж самой нехорошо стало. Замолчала. Но и этой малости хватило, чтобы замерла вдруг душа, до самого сердечного нутра пронялось печалью невысказанного.

- Эх, ядрена, Матрёна! – не давая ходу томленью, воспрял Михаил, - Может, оно и не к разгу сегодня, Настен... А каких песняков за этими столами давали! От Реки до самых гольцов катилось!.. А когда на сенокосах?.. Но ничо, ничо, – споем, споем мы ишо!.. эх как споем! Счас у нас другие пока дела...

Ольга, конечно, заметила, что брата давно нет рядом, и с улыбкой посматривала на неохватную с комля сосну чуть поодаль от людей, на краешек Аленкиной шали, мелькавшей за деревом. Брат с подругой коротали вдвоем, догоняли последние сладкие минуточки ...

Приезжий народ разбрелся по берегу, понимая, что сейчас уже не до них. Типуковские новобранцы, окруженные родными, собрались у стожка – на примятом сене рядком лежали котомки в доргу. Главное – отсюда хорошо была видна деревня, синее, как небо, озеро, сенокосы, в солнечном блеске широкий изгиб реки - всё родимое с детства. Захар Иванович увел прихрамывающего Василия Григорьевича и председателя поговорить в сторонке, к светлеющей за тальником протоке. Никто не знал о чем они там говорили, но вечером в двух типуковских избах слышали, раздирающий душу бабий вой... Когда Захар Иванович снова вернулся к столу, за ним уже шумно орудовала детвора. У догоревшего костра он поднял уголек, прикурил и, присев на листовяный сутунок, поманил к себе Ольгу. Ольга не знала, но сердцем почувствовала зачем, а когда увидела в руке командира бумажный конвертик, сердце захлестнуло радостным боем, жаром запыхало лицо, догадалась она от кого эта весточка.

- С той стороны передали...

- Спасибо, Захар Иванович, миленький! – сказала Ольга, прижимая к груди конвертик, угадывая про себя, еще не видимые слова в нем, переводя их в родные улыбку, взгляд.

- Захар Иванович ничего не ответил, понимал счастье девушки. Как-то свободней стало на душе, и он будто только увидел, что в самый цвет разыгрался день; солнце осенним прощальным теплом ложилось на землю, обсушило иней в тенёчке копешки, на ближних кустах. Все привычно и мирно, и почему война не может обойтись без этого неба, без озера, без деревни, и этих людей?.. Захар Иванович ждал, когда бабы управятся с посудой, смотрел на баржу, видную за деревьями, на скомканный ребятишками брезент. На барже никого не было, так же никого не было и на берегу. Типуковские с теплой солнечной стороны обступили стожок, Алёнка с Николаем все так же прятались за союзницей сосной, миловались от глаз подальше. Не укрываясь ни от кого, стояли, обнявшись, Степан с Татьяной. Степан что-то, успокаивая, говорил, трогал под распахнутой дохой живот жены, она послушно кивала головой, поднося к глазам зажатый в кулак платок. Захар Иванович улыбнулся: он знал, что еще в прошлое лето, вечерами, в обход озера, Степан бегал на Заимку, поджидал девчонку за ближними к лесу огородными пряслами. Там его однажды, уже в холодную пору октября, будто случайно, застал Татьянин отец...

Уполномоченный поднялся, подозвал крутившегося рядом пацана, сделал ему короткий наказ, сам же уверенным шагом направился к телеге. Вздрыгнул от

неожиданности – катер прогудел не как давеча сипляво, будто выпускал последний дух, а прямо оглушил, взбудоражил реку и тайгу. Торопил Сема... Командир одел, отогретую на солнце шинель, приладил португеею и вышел к берегу, на поляну, куда без команды подтягивался народ. Уже привыкшие к дисциплине, подобрались в строй верхнеангарские новобранцы. Подходили и становились рядом типуковские мужики. В истоптанных на крестьянских работах сапогах, в повидавших виды телогрейках, в зимних шапках. Пока ни какой грозы это малое воинство не представляло - вроде как собрались мужики валить лес на дальней деляне, или на байкальской путине тянуть добычливые невода...

- Ст-а-а-новись! Подобрались!

Не по- уставному вылезали из шеренги сапоги, ичиги, не захотел уступать своего и Дымок, улегся у ног рядом с хозяином, наострив уши, тоже ждал, что скажет командир. Пресекая все разговоры, металлом ударила в баржу команда, покатила далеко по воде и скоро вернулась, рассыпавшись эхом.

- Сми-и-р-р-на-а-а!..

Нарушая очередность списка, мужики, выстроились, как и жили – деревня к деревне, брат к брату. Так же не по писаному начал перекличку уполномоченный.

- Комарицын!

Отозвался Иннокентий, даже задиристо – мол, ничо, ребята, всё как надо и, не забыв армейской науки, бодро шагнул вперед.

- Комарицын!

- Я! – Встал брат рядом с братом.

- Семушев! Семушев! Шишмарёв! Шишмарёв! Черных! Черных! Черных! –

Выходили в строй верхнеангарские братья, и вставляли рядом плечо к плечу... Война, сколь можно, милосердно разбавляла материнское горе, по старшинству, по долям отбирала сыновей на страшную битву, дома оставались еще, ждали своего черед младшие братья и, скорее всего, поспешат они на подмогу своим, торопясь уже по первому байкальскому льду... Об этом думал Захар Иванович, вдруг услышав за спиной тихий шепот. « Яко ты, Господи, упование моё... и не придёт к тебе зло и рана не приблизится к телеси твоему...» -молитвенно воздыхала бабушка Ульяна. Командир обернулся, и сейчас же вспомнил, что когда-то давно, провожая его на службу, мать шептала ему именно эти слова. Он запомнил их, и потом, не однажды в минуты, когда казалось, уже не выжить, вспоминал мать, суеверно повторяя за ней молитвенный оберег, всякий раз удивлялся его тайной неземной силе... Не стал мешать командир бабе Уле, не осмелился прервать ее короткий разговор с Богом, - с раскрытым списком в руке, долго искал в планшетке огрызок совсем не нужного ему карандаша...

Последними становились в строй типуковские и с ближней Заимки новобранцы. И нарочито высоко, со звоном в голосе, будто ковал железо, вызывал уполномоченный их имена...

Нет давно этих ребят и мужиков, полегли они рядовыми солдатами за свою и чужую землю, куда-то сронились на доньшко памяти Ольги Никитишны фамилии многих давних односельчан, а эти остались.

- Дружинин! – покатило над рекой.

- Печкин!

- Темников!

- Загузин! - окликались типуковские мужики, переступали незримую черту, отделявшую их от дома.

- Ключарев! – Река отозвалась и, догоняя эхо, выше поднял голос уполномоченный:

- Ключарев! – ещё один Ключарев вышел из строя, встал рядом с братом. На эту баржу в июльскую сенокосную пору первыми из типуковских новобранцев, отправляясь на фронт, ступили два старших брата Ключаревых... Судьба и здесь играла в милосердие, не рубила на отмах, берегла слёзы на другой раз, - пятый, самый младший брат одну весну не дотянул до солдатской присяги. Боевое крещение и первую нашивку за ранение он получит в самом пекле Сталинграда, досыта напьется студенной волжской воды, еще раз чудом останется жив при ночной переправе Днепра, на берегу мутной Эльбы, под победную оружейную пальбу побратается с верзилкой негром, американским сержантом. В июне 45 го его первым из братьев, оставшихся в живых, встретит на родном берегу Миша Беспалый.

Ольга замерла, видя, как напряглось лицо брата, – впервые в своей жизни он выполнял воинскую команду....

Народ сбился у трапа. Прощались. Верхнереченские мужики ждали на барже. Захар Иванович не видел и не слышал, что было на берегу, хмуро курил, до рези в глазах смотрел на сыпавшую искрами рябь реки, куда-то в сторону оставленных деревень. Как и там, всё было похоже до боли, до терзающей душу вины в этих, как Сёма сказал, слезовых денечках. Знал, так же не отпустят бабы мужиков, и матери сыновей, пока грубо не вмешается он, командир. Катер уже дважды долго прогудел, поторапливал, черно дымил, набирая пары, и уполномоченный, затушив окурок, пошел к людям...

Мимо, окрашенных осенью, берегов уходила баржа с воинством, и не различить уже лиц, не слышно кто и что кричит, только ждали, когда скроется дым за поворотом. Рванул в догон по кустам и сухой траве, обиженно лая, верный Дымок. Одинокое в сторонке у самого обреза воды творила молитву Ульяна Степановна: « Господи Иисусе Христе... матушка владычица...» И в последний миг, когда пропасть катеру с глаз, тронулась вслед за ним, желая хоть на шаг приблизить к себе внука, и будто споткнулась, пала на колени. Вознеся руку над головой, не единожды крестным знаменем осенила Реку и Небо...

Бог услышал старуху. Вернулся солдат домой. Да не дождалась бабушка внука – с настигнутых войной краёв докатились до Типуков беженцы, с грязью и тифом завезли какую-то болезнь. Хворых положили в одной избе, и чаще других ходила к ним с молитвами и тусками Бабушка Ульяна Степановна...

Мало что изменилось на этих берегах. Река широко несет свои воды к Байкалу, кружит воронки, заливают острова. Вот место, где причаливал катер Семь-капитана, вытоптанная полянка, здесь стоял гостеприимный стол, костровище, даже стожок в целости и сохранности. Отсюда хорошо видны покосы, озеро, великолепный в сочной зелени бор. В этом сказочном, будто руками убранном лесу, я ходил как по янтарному залу, насквозь солнечном от верха деревьев до золотого ковра лиственной опадной у изножия векового, смолистого сосняка. Внизу, на заросшем всякой дурниной взгорке, чуть не наступил я на сгнивший могильный крест, недалеко еще

один...

Я и раньше не раз бывал в этом заповедном месте, сенокосил, рыбачил, конечно, зная, что была здесь некогда деревенька Типуки – и всё... А сейчас я уже не мог без душевного смутения ходить по этому лесу, по распаханному и брошенному полю на месте бывших подворий...» Зачем всё это было? Чтобы всё бросить. Забыть. Потерять?...» Разве этого хотел дедушка Ключарев, когда садились на тихую воду Типуков белые птицы?.. Так и слышатся из того, переданного мне, давнего далека голоса Миши Беспалого, бабушки Ульяны, вспомнился пастырь и ангел-хранитель Типуков уполномоченный Захар Иванович, похороненный в братской могиле на самом краю державы. Под городом Кенисбергом он в последний раз поднял свою роту в атаку. В наступивших сумерках высохшая лесина показалась мне колодезным журавлем... Ничего не осталось. Как и не было... Да нет же! Вот, еще не заросшая дорога, по которой уходили из маленьких Типуков на Великую войну солдаты.

Почему-то опять выплыли из памяти, так однажды поразившие меня почтовые книги: Роднички, Топорки, безадресные заимки и хутора, теперь вот ещё Типуки. Отчетливо высветились фанерные звёзды на верхнем венце деревенской избы, снова так же волнительно и остро, как и в первый день, ощущал я их безмерность... Ночное небо вдруг пробила искра, звезда пролетела и долго не гасла. Я смотрел на её затухающий свет, на плывущие рисунки созвездий, хотелось заглянуть в таинство неба и, как-то по-земному наивно подумал, или вспомнил прочитанное, что это там, в недостижимых горних высях, обитают бессмертные души этих солдат, сейчас мигают и светятся, подают нам какие-то знаки - верят же, люди, что души ушедших продолжают жить в образе камня, птиц... Мистика, верно. Но тысячи и тысячи звёзд смотрели на меня, и с ясной, отрезвляющей от недавних фантазий мыслью, я понял, что мало им этого неба, никакой его выси не хватит, чтобы уместились на нем все солдатские звезды, с каждого дома, с каждой деревенской избы, со всей земли Русской, за которую они отдали свои единственные жизни.